

Гэл Годфри

Дьявольский эликсир

MMB-Text

**Эркман-Шатриан
Гэл Годфри
Энтони Троллоп
Дьявольский эликсир (сборник)**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3946845

Дьявольский эликсир / Гэл Годфри. Дьявольский эликсир; Энтони Троллоп. Рождество в Томпсон-холле; Эркман-Шатриан. Таинственный эскиз [перевод]:

Аннотация

В этой книге собраны лучшие детективные повести знаменитых авторов.

Гэл Годфри – псевдоним ирландской писательницы Шарлотты О’Конор Экклз, автора произведения «Дьявольский эликсир». Прочитав в газете объявление о продаже эликсира молодости, Августа Семафор, незамужняя дама, поспешила воспользоваться предложением...

Энтони Троллоп – английский романист, чей непревзойденный талант заключается в блестящей комической манере описывать повседневные события. В повести «Рождество» миссис Браун, степенная леди, в поисках совершенно банальной вещи – горчицы для больного мужа – умудряется стать героиней настоящей детективной истории...

Кроме того, в книгу вошел великолепный рассказ французских писателей Эркмана и Шатриана «Таинственный эскиз».

Содержание

Гэл Годфри	4
I	5
II	9
III	14
IV	17
V	20
VI	23
VII	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Гэл Годфри Дьявольский детектив

**Гэл Годфри
Дьявольский детектив**

I

Мисс Семафор

Пробило семь часов. Гонг в доме номер 37 на Биконсфильд в Южном Кенсингтоне загудел от мощных ударов кривоногого лакея-немца. Мюллер всегда так рьяно набрасывался на гонг, что казалось, будто в него вселился бес. По этому сигналу в одиночку, парами и тройками постояльцы стекались обедать, причем более восприимчивые к шуму, спускаясь по лестнице, затыкали уши. Даже глухие не смогли бы игнорировать этот звук, разливавшийся по всей округе и слабым эхом доносившийся до станции Глостер. Запоздавшие жильцы пансиона, заслышав его, пускались чуть ли не вскачь, чтобы успеть к обеду.

За главным столом в парадной столовой, выходившей тремя окнами на Биконсфильд, сидела хозяйка – миссис Уилькокс. Это была полная, румяная, быстроглазая женщина лет сорока пяти, одетая в черное шелковое платье и кружевное фишю¹, заколотое камеей². В ожидании гостей она задумчиво точила большой нож для разрезания жаркого. У буфета стоял ее муж, капитан Уилькокс – суховатый, худощавый мужчина. Он был моложе жены и находился у нее в полном подчинении. Вопросы о том, где они познакомились и зачем женились, были источником бесконечных сплетен среди обитателей дома. Ходили слухи, что миссис Уилькокс взяла капитана в супруги в качестве уплаты долга. Как бы то ни было, кроткий, тихий мистер Уилькокс слыл истинным джентльменом. Некогда он служил в кавалерийском полку, где оказался замешан в неприятной истории, и теперь, в тридцать восемь лет, в пансионе жены у него было совсем не завидное положение, чего нельзя сказать о ее величественном поваре.

Хотя капитан и не играл в доме роли хозяина, миссис Уилькокс часто пользовалась его именем и авторитетом при исполнении какой-нибудь неприятной обязанности. Например, именно он всегда настаивал на невозможности одалживать деньги. Он требовал еженедельной уплаты по счетам. По его распоряжению некоторым постояльцам приходилось покидать пансион. Именно он ввел непопулярный закон, предписывавший гасить в гостиной огонь ровно в одиннадцать часов. Словом, он был Джоркинсом³ фирмы. А вообще он занимал какую-то скромную должность в Сити, доставшуюся ему по протекции брата жены, и ежедневно помогал в разрезании жаркого, а также не забывал платить за собственное содержание.

Кроме главного стола, в комнате находилось еще несколько столов, но поменьше, рассчитанных на размещение от четырех до восьми человек. К одному из них как раз сейчас пробиралось несколько мужчин и дам. Воспользуемся случаем и представим их, ведь нам придется иметь с ними дело. Впереди шла мисс Августа Семафор – высокая, худощавая незамужняя дама пятидесяти трех лет с довольно кислой физиономией, за ней следовала ее сестра – мисс Прюденс. Она была на десять лет моложе Августы и привыкла к тому, чтобы с ней обращались как с младенцем. Прюденс носила челку, свисавшую на глаза змееподобными белокурыми кудряшками, которые в сырую погоду превращались в мышинные хвостики. Она была пухленькой, улыбалась довольно глупо и, как подобает роли резвой малютки, постоянно упражнялась во всевозможных ужимках кокетливо-наивного свойства.

Их соседями по столу были величественная чета Дюмареск, мистер Лоример, патристичный и весьма неотесанный юноша из хорошей семьи, мистер Джонс, миссис Уайтли, маленькая, жеманная дама, блиставшая недавней, с трудом приобретенной «образованно-

¹ Фишю – тонкий платок из легкой ткани, прикрывавший шею и декольте.

² Камея – украшение с выпуклой резьбой из драгоценных камней или жемчуга.

³ Герой романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд».

стью», и, наконец, крупная и властная женщина с грозным видом, о которой носились слухи, будто она получила докторский диплом.

– За то, что мы имеем, – проговорила миссис Уилькокс, – позволь нам, Господи, достойно поблагодарить тебя.

После этих слов тридцать пять постояльцев с шумом придвинули свои стулья к столу и поспешили освободить приборы от салфеток. Зажурчали скучные разговоры. По обыкновению, беседа начиналась с расспросов о здоровье – в пансионах так заведено. На самом деле никому нет дела до ваших недугов, тем не менее все о них спрашивают, не удосуживаясь выслушать ответ.

– Вы все еще простужены, майор Джонс?

– Благодарю вас, мне лучше, миссис Дюмарекс, а что ваша невралгия?

– Мне с каждым днем все хуже. Я всю ночь не смыкала глаз.

– Но вы что-нибудь принимаете?

И так далее, и так далее. Новоприбывшие поначалу пытались вести настоящее разговоры, и некоторое время они даже бывали оживленными, веселыми, искрили забавными анекдотами и остротами. Уязвленные старожилы слушали их молча. Беседа в качестве изящного искусства не поощрялось вовсе, жалко было смотреть, как через неделю или две энергия ораторов иссякала и они впадали в убогую краткость соседей.

Постояльцы – все люди почтенные – читали «Дейли телеграф». Они голосовали за тори и разделяли укоренившееся в британце среднего класса убеждение в том, что неразговорчивость является признаком солидности, здравомыслия и умственного равновесия. Само по себе глубокое и продолжительное молчание воспринималось как подвиг. Не обладая аналитическими способностями, они не понимали, что две трети молчащих людей молчат за неимением мыслей.

Само собой разумеется, в таком окружении общие интересы найти было практически невозможно. По негласной договоренности политика и религия были изгнаны из возможных тем для разговоров вовсе, так как обсуждение того или другого непременно заканчивалось ссорой. Постояльцы пансиона читали романы, но они не обсуждали их и вообще не особенно интересовались литературой и искусством. Человека, которого подозревали в писательстве, все немного сторонились, ибо всякий англичанин – а англичанин, по выражению одного проповедника, в этом случае заключает в себе также и англичанку, – каково бы ни было его уважение к литературе, весьма невысоко ставит тех, кто ее производит, если только они не знаменитости.

– Угодна паран, сыпленок или телятина? – спрашивал Мюллер, обходя гостей, когда они уже расправились с супом и рыбой.

– Телятины, пожалуйста, – ответила мисс Семафор.

– Телятина, пошальста, – повторил чуть слышно Мюллер, чтобы распоряжение отложилось в памяти.

– Уготна паран, курица, телятина, мадам?

– Кусочек, маленький кусочек, крылышко курицы, – сказала миссис Уайтли.

– Ростбиф, – буркнул мистер Лоример, и Мюллер тихонько отозвался «биф», прибавив для собственного удовольствия «пошальста».

– Я вас видела сегодня, майор Джонс, а вы меня – нет, – игриво заметила мисс Семафор-младшая, когда выбор был сделан.

– Что? – переспросил майор Джонс.

Он был глуховат.

– Я говорю, что видела вас сегодня в Сити. Представьте, я ездила одна в омнибусе, в такую даль! Около святого Павла есть прелестный магазинчик, где все можно купить удивительно дешево, и вы прошли мимо, когда я в него входила.

– Я бы не поехала в Сити без провожатого, – строго заметила мисс Августа Семафор. – Я тысячу раз тебе это говорила, но ты такая ветреная. Это не комильфо.

– А что здесь такого? – проворчал мистер Лоример.

Это был молодой человек с весьма воинственными наклонностями, с которым мисс Семафор-старшая вела жестокую, но вежливую борьбу.

– Мой дорогой отец, – продолжала она, не удостоив Лоримера ответом, – занимавший очень важный военный пост, не одобрял, когда девушки ходили одни.

– Тридцать лет назад так оно и было, – возразил мистер Лоример. – В наше время все иначе. Если вести себя достойно и гулять в отведенные для этого часы, то нет никаких оснований чего-то опасаться, а уж особенно людям, достигшим зрелого возраста.

– Уверю вас, – сказала миссис Дюмареск, слегка повышая голос (она всегда так делала, когда хотела произвести впечатление на слушателей), – уверю вас, что в дипломатических кругах это просто неслыханно! Дама не может ходить по магазинам одна, без провожатого или по крайней мере без горничной.

В каждом пансионе на Британских островах всегда найдется особа, близко знакомая с принцем Уэльским. В доме номер 37 на Биконсфильд это была миссис Дюмареск.

– Да, это понятно, когда вокруг вас куча мерзких иностранцев, – продолжал упираться мистер Лоример. – Немудрено, что дамы боятся ходить одни там, где полно отвратительных, неумытых негодяев, которые, того гляди, пырнут ножом. Но взрослые англичанки у себя на родине могут делать что им угодно.

– Я не одобряю того, чтобы дамы куда-либо ходили одни. Это, может быть, допустимо для среднего класса, – с важностью проговорила миссис Дюмареск, – но, основываясь на личном опыте, я уверю вас, что в дипломатических кругах это не принято. Когда мы жили в Белграде, там была некто миссис Туикенгем, позволявшая себе удивительные вольности. И вот однажды княгиня, очень близкий наш друг, княгиня Гатцова, – вы, вероятно, слышали о ней, родная кузина императора, прелестная женщина, очень мне преданная, – ну так вот, княгиня мне раз и говорит: «Милая Мими, – она всегда называла меня Мими, – неужели англичанкам высокого происхождения, как мы с вами, например, у них на родине разрешается такая вольность, нет, лучше сказать, распушенность поведения?» А я ей на это: «Нет, Элен, конечно, нет».

Обе мисс Семафор, миссис Уайтли и женщина-врач внимательно слушали эти воспоминания, но на мистера Лоримера они не произвели никакого впечатления.

– Я утверждаю, – настаивал он, – что Англия – свободная страна, а все ваши идеи – отсталые.

– Уверю вас, что княгиня Гатцова из высшего общества придерживается другого мнения, как и моя дорогая подруга, бывшая императрица Франции, – возразила миссис Дюмареск с величественным видом. – Впрочем, оставим это. В дипломатии мы избегаем тех вопросов, относительно которых наш собственный опыт не сходится с опытом других, и в таком случае прийти к согласию едва ли возможно.

В тоне миссис Дюмареск появилась сдержанная язвительность, а в манере мистера Лоримера – воинственное упорство, и это заставило миролюбивую мисс Прюденс сменить тему разговора.

– Бедная императрица, – воскликнула она, – как мне ее жалко!

– О, если бы вы видели ее во всем блеске! Вы были в Париже перед войной? – не унималась миссис Дюмареск.

– Вы едва ли можете ожидать, чтобы моя сестра помнила довоенный Париж, дорогая миссис Дюмареск, – холодно вступилась старшая мисс Семафор. – Это было много лет назад, Прюденс тогда была еще совсем ребенком.

Миссис Дюмареск, хитро улыбнувшись, заметила:

– В дипломатических кругах не принято выражать открытое недоверие к чужим высказываниям. Ну так вот, в давние времена, когда мы жили в Париже, – невозмутимо продолжала она, – я была очень дружна с милой императрицей. Как-то раз, увидев меня в окно, она спросила у своего адъютанта: «Кто та дама, что только что проехала мимо? На ней такой прекрасный туалет!» – «О, ваше величество, разве вы ее не узнали? Это мадам Дюмареск!» В тот же вечер мы встретились на балу у испанского посланника, и императрица милостиво подошла ко мне. «Представьте себе, милая мадам Дюмареск, – сказала она, – представьте себе, я не узнала вас сегодня! Вы так долго отсутствовали... Позвольте мне поздравить вас с прелестным туалетом, который был на вас сегодня утром!»

Рассказ, очевидно, произвел впечатление: медицинская дама на другом конце стола, одержимая чисто американским интересом к высшему свету, резко оборвала животрепещущую историю о какой-то ампутации и слушала во все уши.

– Императрица была женщиной красивой, но, кажется, она вышла замуж уже немолодой, – задумчиво заметила старшая мисс Семафор.

– Нет, что вы! Ей было лет двадцать девять, но некоторые, правда, утверждали, что тридцать два.

– Что за важность? – вступился учтивый мистер Дюмареск. – Всякой красивой женщине столько лет, на сколько она выглядит.

Мисс Прюденс вздохнула. Она тщательно осматривала перед обедом свое лицо и обнаружила новую морщинку. Ее поразила мысль о том, что она не казалась уже такой молодой, какой себя ощущала, однако она старательно делала вид, что двадцать восемь, а тем более тридцать два года у нее еще впереди.

– Стареть! Как это, должно быть, ужасно! – жеманно произнесла миссис Уайтли.

– Теперь существует так много средств для поддержания молодости и красоты, что всякая леди без труда может выглядеть на столько лет, на сколько захочет, – сказала миссис Дюмареск.

– Но пользоваться косметикой – это гнусно! – с жаром воскликнула мисс Семафор. – Что касается меня, то я никогда не могла понять, как можно пудриться и румяниться.

Благовоспитанность не входила в число добродетелей мистера Лоримера, впрочем, в пансионатах принято говорить друг другу такие вещи, которые вправе говорить только родственники.

– Краска для волос, – сказал он, пристально взглянув на голову Прюденс Семафор, – очень вредна. В сущности, даже хуже всего. В газетах писали об одном ужасном случае: женщина покрасила волосы в черный цвет, а на следующий день умерла. Мгновенное размягчение мозга, говорят. Жидкость всосалась.

Очевидность намека придавала соль рассказу. Медицинская дама, гордая своей цветущей внешностью, не нуждавшейся в косметике, расплылась в улыбке, однако не могла удержаться от замечания, что такой болезни, как мгновенное размягчение мозга, не существует.

Миссис Дюмареск, памятуя о своем дипломатическом воспитании, приняла вид столь серьезный, что и ребенок догадался бы: что-то не ладно. Августа Семафор пробормотала:

– Как ужасно!

Она одна ничего не поняла. Прюденс сердито посмотрела на мистера Лоримера.

– Э-э, что такое? – промямлил майор Джонс.

Но тут миссис Уилькокс встала, и по ее сигналу дамы выплыли из комнаты, оставив мужчин курить сигары и сплетничать.

II

Вечер в пансионе и важное письмо

У всех пансионов есть одна общая черта: они сближают людей, ничем не связанных между собой. Дом номер 37 на Биконсфильд в Южном Кенсингтоне не был исключением. По большей части его населяли женщины – вдовы и дочери людей, имевших какую-нибудь профессию. Там также проживало несколько бездетных супругов и несколько – впрочем, очень немного – холостяков – или старых, или необычайно молодых. Некоторые жильцы были со связями, некоторые с состоянием, но все необыкновенно скучны, и лишь немногие благочестивы. Почти все постояльцы втайне ставили себя выше других. Они являлись своеобразным образцом британского филистерства и наглядно демонстрировали низкий интеллектуальный уровень рядового обывателя.

За неимением занятий и каких-либо интересов жильцы с удовольствием предавались обсуждению друг друга: мужчины толпились в курительной комнате, дамы собирались в гостиной. Между этими группами был вооруженный нейтралитет. Тот или та, кто отваживался вторгнуться во владения противника, считались или дерзкими, или невоспитанными. Все вместе, тридцать пять человек, собирались только за обедом, соседей за столом определял случай.

Девушки, проживавшие в этом доме, проводили время невесело. Бедняжки! У них не было ни поклонников, ни интересов, ни общества, ни будущего, ни доходов, нуждавшихся в управлении. Когда они переставали быть новоприбывшими, мужчины, не годившиеся, впрочем, в женихи, начинали обходить их вниманием. К девушкам относились с небрежностью более обидной, чем нелюбезность, и тонко давали понять, что они не могут рассчитывать на то обращение, которое выпало бы на их долю, если бы они жили у себя дома, с родными. Более пожилые дамы, в особенности мисс Августа Семафор, очень строго смотрели за приличиями.

Иногда какая-нибудь бойкая вдова или разбитная девушка на время нарушала скучное однообразие. Тогда кружились головы, устраивались танцы, игры с фантами. Но такие блестящие метеоры быстро пропадали с небосклона: их пребывание в пансионе обычно заканчивалось каким-нибудь неприятным эпизодом, после которого их просили удалиться. И следующие за тем скучные дни становилась еще заметнее.

В самой тихой домашней обстановке не бывает однообразия равного тому, что порой водворяется в пансионатах. Может быть, дома никто и не ожидает ничего особенного, но, когда живешь с посторонними людьми, чувствуешь какое-то беспокойство, кажется, будто что-то должно произойти. Нередко случаются периоды уныния, затягивающиеся порой на несколько месяцев, и тогда жизнь кажется пустой. В такие времена попытки найти какое-нибудь развлечение оказываются тщетными, все предложения встречают холодный прием, так что активисты в отчаянии отказываются от своих затей.

Дом номер 37 в настоящее время переживал именно такой период. Темы для разговоров, как уже было сказано выше, иссякли и за неимением какого-нибудь частного или общественного интереса заменились случайным обменом банальностей. Смелый флирт со стороны какой-нибудь молодой дамы или кровавое судебное дело заинтересовали бы всех, в особенности флирт, развитие которого все жильцы стали бы наблюдать и комментировать.

Свободные от всяких хозяйственных обязанностей леди, как упрямо называла их мисс Уилькокс, проводили однообразные дни в посещении лавок, чтении романов и отдыхе. Они какое-то время дружили, но потом непременно ссорились. Как правило, они разделялись на две партии – бранивших хозяйку и не бранивших ее.

Гостиная, где они собирались по вечерам, была великолепна. Брюссельский ковер, солидные бархатные кресла красного цвета, которым предстояло много чего пережить, зеркала в золоченых рамах придавали комнате вид эпохи начала царствования королевы Виктории. Ничего хрупкого не было в этом салоне по той причине, что в пансионах часто что-то разбивают и никто не признает своей вины.

В тот вечер дамы, как обычно, принесли корзинки с рукоделием, газеты и романы, и все общество погрузилось в свои занятия. Все разговоры истощились, однако две-три собеседницы все еще пытались нарушать тишину, поддерживая тихий ручеек вежливых вопросов.

– Какое милое вязанье! Как это вы делаете?

– О, это новое *point*⁴. Я только что его разучила.

– Вы выходили сегодня?

– Нет, я прилегла и немного вздремнула. А вы?

– Я ходила на Гай-стрит за шерстью.

Вечеру, о котором идет речь, не менее скучному, чем обычно, предстояло закончиться не совсем мирно. Причиной тревоги стала собачка мисс Семафор – пресердитый зверек непонятной породы по кличке Туту. Она была стара, жирна и страдала одышкой, а ее коричневая шерсть уже начинала седеть. Туту причиняла пансиону больше неприятностей, чем все его прочие обитатели. Если в ссорах между мужчинами «*cherchez la femme*»⁵ – совет мудрый, то в ссорах между праздными женщинами, живущими в пансионе, весьма часто приходится отыскивать собаку. Сегодня, к своему великому несчастью, одна девушка, мисс Бельчер, наступила на хвост Туту. По правде сказать, не наступить ему на хвост было трудно, ибо он имел невыносимую манеру всюду путаться под ногами. Мисс Бельчер, очень милая, кроткая девица, подскочила как подстреленная.

– Ах, что я наделала! – воскликнула она. – Песик, милый песик, тебе больно?

И, опустившись на колени, девушка начала нежно утешать Туту. На самом деле ему вовсе не было больно, но визжал он отчаянно. Казалось, ему просто приятно подводить людей под монастырь. В одно мгновение мисс Семафор, красная и сердитая, смерив сконфуженную мисс Бельчер убийственным взглядом, подобрала с пола своего фаворита и унесла его в свой угол. У всякого обитателя пансиона было специальное кресло или любимый уголок, который кому-либо другому не следовало занимать ни при каких условиях.

– Я, право, нечаянно, – пробормотала мисс Бельчер, – я не заметила Туту.

– У некоторых людей, – возразила мисс Семафор, – нет глаз. Очень забавно мучить безответных животных, не правда ли, моя прелесть?

И она не то поцеловала, не то клюнула Туту в кончик носа. Все присутствующее бросило свои занятия и внимательно слушали.

– Но, право же, мисс Семафор, – чуть не плакала бедная мисс Бельчер, – я совсем не виновата.

– Конечно, во всем виноват Туту, – саркастически заметила мисс Семафор.

Мисс Бельчер пришлось бы совсем худо, если бы не вмешалась ее мать – крупная глухая леди чрезвычайно внушительного вида. Она властвовала и над дочерью, и над всеми окружающими. До сих пор она молчала только потому, что миссис Уайтли объясняла ей, в чем дело.

– Не расстраивайся, Эмма, – проговорила она, когда во всем разобралась. – Эта дурацкая собака постоянно всем мешает. От нее уже давно следовало бы отделаться.

И, обратившись к смущенной миссис Уайтли, она, по-видимому, начала высказывать весьма нелестные суждения о мисс Семафор, причем слова «старая дева» слышались весьма

⁴ Кружево (франц.).

⁵ Ищите женщину (франц.).

отчетливо. Все свидетели этой сцены устремили на мисс Семафор преисполненные ужасом взоры. При других обстоятельствах та оправдала бы их опасения. Но теперь она посчитала бессмысленным ссориться с глухой женщиной, наделенной острым языком, а потому она просто пробормотала: «Как не стыдно! Какая неблаговоспитанность!» и погрузилась в молчание.

Мисс Семафор своим еле сдерживаемым гневом осушила мелкий ручеек разговора, словно сирокко. В гостиной воцарилось тягостное, почти осязаемое молчание. Многие переглянулись, однако никто, кроме миссис Бельчер, не посмел говорить. Очевидно, задавшись целью щелкнуть по носу и мисс Семафор, и Туту, она поднимала самые разнообразные темы и вынуждала дочь, бедную юную особу, отвечать ей во весь голос. Мисс Прюдент, всегда опасавшаяся вспышек сестры, робко погрузилась в страницы «Лейдис Пикториал» и старательно делала вид, что ничего не слышит.

Такое неприятное положение вещей продолжалось довольно долго, когда миссис Дюмареск вдруг решила устроить диверсию, проговорив самым очаровательным голосом:

– Этот ужасный мистер Морли опять сказал спич! Право, удивляюсь, как его еще кто-то слушает! Радикалов, социалистов и тому подобных людей, право, следовало бы сажать в тюрьму.

– Может быть, и они, со своей стороны, думают, что нужно бы посадить в тюрьму тори, – заметила мисс Стот, коренастая молодая особа с убеждениями.

– Весьма вероятно, – ответила миссис Дюмареск. – Если бы они могли, то отрубили бы голо– вы всей аристократии. Как говорила мне моя дорогая баронесса де ла Виельрош: «Милая Мими, они бы упились нашей кровью, но они не смеют».

– Сомневаюсь, – невозмутимо проговорила мисс Стот. – Люди вовсе не так кровожадны, как вы думаете, будь они даже социалистами или радикалами. В сущности, мы мало чем отличаемся друг от друга в душе, хотя и принадлежим к разным сословиям. Никто из нас не пожелал бы упиваться кровью!

– Мало чем отличаемся! – повторила как эхо миссис Дюмареск. – Милая мисс Стот, как вы ошибаетесь! Между высшими и низшими классами разверзлась пропасть! Последние не имеют ни нашей чувствительности, ни утонченности, ни деликатности.

Миссис Дюмареск сказала «нашей», чтобы продемонстрировать умение держаться на публике, а также чтобы блеснуть своим дипломатическим воспитанием.

– Вы думаете, нет? – не унималась мисс Стот. – Конечно, может, у них и нет ни образования, ни манер, но неужели вы полагаете, что они по-своему не чувствительны и не деликатны? Да что там говорить, в газетах каждый день пишут о случаях, из которых явствует, что Бельгравия⁶ и Уайтчапель⁷, в сущности, одно и то же, когда их затрагивают за живое. Единственная разница, по-моему, заключается в том, что одни делают, но не говорят об этом, а другие говорят, но не делают.

– Мисс Стот! – возопила миссис Дюмареск.

– Да, – продолжала та, – не далее как сегодня я прочитала отчет о деле, которое одна горничная затеяла против своей госпожи, богатой женщины, сломавшей веер о ее плечо.

– Это ужасно! – воскликнула миссис Дюмареск. – Но вы не должны судить об аристократии по таким личностям. Эта женщина, хоть и богатая, наверное, не леди.

– И я тоже так думаю, – ответила мисс Стот, – однако сама-то она считала себя леди, ведь она графиня.

⁶ Бельгравия – фешенебельный район Лондона.

⁷ Уайтчапель – в недалеком прошлом самый бедный и неустроенный квартал Лондона, известный своими опасными притонами и высоким уровнем преступности.

– О-о! – с удивлением протянула миссис Дюмареск. – В таком случае горничная, вероятно, была совершенно несносной.

Звон чашек, раздавшийся в следующую минуту, оповестил дам о появлении кофе. Мисс Прюденс Семафор, сидевшая посреди комнаты под лампой, уронила свой «Пикториал», когда смотрела, не пришел ли кто из мужчин. Пока она поднимала журнал, в глаза ей бросилось объявление: «Состоятельным леди и джентльменам. Вдова знаменитого естествоиспытателя, пребывая в затруднительном положении, вынуждена выставить на продажу единственный в своем роде флакон с эликсиром вечной молодости, источник которой Понсе де Леон⁸ тщетно искал во Флориде. Удивительный эффект этого эликсира не подлежит преувеличению. С его помощью особа семидесяти лет после нескольких приемов может вновь выглядеть на восемнадцать. Это не подделка, не косметика, не мошенничество. Это средство не имеет ничего общего с другими рецептами, претендующими на тот же результат. Величайшее чудо мира! Деньги будут возвращены, если все вышесказанное окажется недовольным. Прошу, присылайте мне свои предложения. Надеюсь, они окажутся щедрыми, ибо такой случай больше не повторится. N.».

Пораженная объявлением, Прюденс прочитала его еще раз и со словами «Посмотрика!» передала журнал сестре. Потом мисс Семафор-младшая достала вязание и погрузилась в таинственное «спустить одну петлю, вытянуть нитку, связать две вместе». Августа, приспособив свой лорнет – единственную помощь ослабевающему зрению – к длинной ручке (очки она тоже ненавидела и даже пенсне считала откровенным признанием в слабости), пробежала глазами объявление. Оно подействовало на нее даже сильнее, чем на сестру, и Августа весь вечер не переставала в него заглядывать.

Разнесли кофе. Мужчины, поднявшиеся наверх, чтобы выпить чашку, столпились вместе в конце гостиной. Отделяясь от представителей своей породы, они казались одинокими, проявляли беспокойство и выискивали случай спастись бегством. Только более пожилые представители мужского пола, среди которых был и майор Джонс, а также некий мистер Батли – молодой, недавно прибывший постоялец, еще незнакомый с обычаями пансиона, приблизились к тому концу гостиной, который считался, по-видимому, женским.

Прюденс слегка подобрала свои юбки, чтобы желающие могли присесть рядом с ней. Но таковых не оказалось. Хорошенькая мисс Фастли и ее сестра с непреднамеренностью, почерпнутой из опыта, предусмотрительно заняли места поближе к мужчинам и вскоре вступили в беседу с самыми смелыми из авангарда.

После кофе большинство мужчин обратилось в бегство. Некоторые готовились к экзаменам, и им было некогда, другие (большая часть) сидели по комнатам и пили виски с содовой, третьи играли в бильярд. Августа с сестрой, майор Джонс и мистер Дюмареск составили партию в вист. Миссис Уайтли, миссис Дюмареск, женщина-врач, мисс Бельчер, мисс Фастли, мистер Батли и его сестра также засели за карты.

Мисс Примени, девушка очень застенчивая, чинная, легко приводимая в состояние шока и имевшая очень грозную мамашу, которая рано ложилась спать, через некоторое время тихонько проскользнула вниз, в курительную комнату. Там она стала учить шахматной игре месье Ламприера – молодого француза, приехавшего в Англию изучать язык. Чтобы лучше объяснять ходы, она держала его руку в своей.

Вторая мисс Фастли, обладавшая хорошим голосом, без приглашения подошла к роялю и спела два романса. Заметив, что никто не обращает на нее внимания, она стала забавляться пением гамм с долгими остановками на высоких нотах, чем совершенно изводила слушателей. Единственная женщина, способная выносить гаммы, – это та, которая их поет.

⁸ Хуан Понсе де Леон (1460–1521) – испанский конкистадор, который основал первое европейское поселение на Пуэрто-Рико и во время поисков источника вечной молодости открыл в 1513 году Флориду.

Миссис Бельчер проглядывала газеты. Сама она их не получала, а брала по вечерам у майора Джонса. Время от времени она сообщала какое-нибудь известие миссис Уилькокс, которая прочитывала все газеты еще с утра. Капитан Уилькокс сидел в конторе жены и занимался счетами.

В половине одиннадцатого старшая мисс Семафор встала. Одержав блистательную победу в висте, она пребывала в прекрасном настроении и очень любезно простилась со всеми, кроме Бельчеров. Номер «Лейдис Пикториал» она взяла с собой. Когда Прюденс, обсудив с ней все происшествия, приключившиеся за день, ушла в свою комнату, располагавшуюся рядом, Августа села за стол и написала письмо следующего содержания:

«37, Биконсфильд, Южный Кенсингтон.

Июнь, 189... г.

Дорогая миссис N!

Я прочитала ваше объявление в последнем номере «Лейдис Пикториал» и хочу приобрести чудодейственный эликсир. Я готова предложить вам выгодные условия, но не знаю, что вы таковыми считаете, поэтому я желала бы, если это, конечно, возможно, встретиться с вами лично. Честно признаюсь, что я сомневаюсь в волшебных свойствах вашего средства и потому хотела бы получить какие-нибудь доказательства.

Примите уверения в искреннем уважении.

А. Семафор».

Письмо это было вложено в конверт, адресованный в редакцию журнала для N., и на следующее утро мисс Семафор сама отнесла его на почту.

III

Ответ

– Я сложена чрезвычайно пропорционально, – конфиденциально сообщила медицинская дама миссис Уайтли.

Та придерживалась другого мнения, но из вежливости не стала возражать. Дамы сидели за завтраком, и к ним только что присоединилась мисс Семафор. Она тихонько проскользнула на свое место и как бы с некоторым беспокойством взялась за почту.

– Удивительно пропорционально, – продолжала, понизив голос, медицинская дама. – Моя портниха говорит, что на меня очень легко шить и что все мои платья сидят отлично. Говорю без хвастовства, это факт. Боюсь, однако, что давать ее адрес другим бесполезно, так как результат может оказаться менее удовлетворительным.

Миссис Уайтли, видимо, обиделась, но она была женщиной робкой и ненаходчивой. Одежда собеседницы казалась ей безвкусной, а фигура – бесформенной, тем не менее она проявила неосторожность и спросила, кто ее сделал (не фигуру – одежду). Миссис Уайтли просто требовалась самая обыкновенная портниха. Ответ медицинской дамы очень обидел ее, но она не смогла придумать ничего язвительного.

Не испытывая никакой неловкости, «модница» продолжала:

– Вы видели мою бархатную накидку? Я слышала, как мисс Фастли говорила, что она ей не нравится. Ну, это просто зависть. Накидка великолепна, ей такой, конечно, не видать как своих ушей. Такую вещь может носить только высокая статная женщина. У меня столько завистников...

Миссис Уайтли недоумевала: какие поводы к зависти могла давать медицинская дама? В пансионе она, конечно, не пользовалась популярностью, но это было совсем не оттого, чтобы ей кто-то завидовал. Однако вера в собственную неотразимость и чужую зависть делала ее счастливой, ни резкие замечания, ни неприятные намеки нисколько ее не смущали. Она избрала в свои доверенные лица миссис Уайтли, потому что считала ее безвредным существом, которое перед ней преклонялось. Как бы она удивилась, узнав ее истинное мнение!

– Миссис Уайтли, как вы себя сегодня чувствуете? – любезно осведомилась миссис Дюмареск, тоже присоединившаяся к дамам.

– Моя простуда все еще не прошла, благодарю вас, – ответила миссис Уайтли.

– О, в самом деле? Вероятно, это все из-за сквозняка в вашей комнате. Здесь очень дует во всех маленьких комнатках, потому что они располагаются vis-a-vis⁹. Конечно, как я уже вам говорила, мы рассчитываем пробыть здесь совсем недолго. Поверьте, миссис Уайтли, для людей, вертевшихся в дипломатических кругах и удостоенных милостивого гостеприимства коронованных особ, пансион, пусть даже самый благоустроенный, – а наш, кстати сказать, не лишен некоторых достоинств, – не лучшее местопребывание. Хотя мы думали, как я уже говорила, пробыть здесь недолго, я все-таки настаивала на том, чтобы жить в хорошей комнате. «Анджело, – говорила я, – возьмем лучший номер во всем доме!» Так мы и сделали. Очень жаль, что вы не переселяетесь в номер побольше. Не то чтобы для меня лично это имело какое-нибудь значение... Я, конечно, выше этих пустяков. При выборе знакомых я никогда не руководствуюсь подобными житейскими соображениями, о, вовсе нет. Если люди мне нравятся, милая миссис Уайтли, я симпатизирую им, какой бы номер они

⁹ Друг напротив друга (франц.).

ни занимали – большой или маленький. Живи они даже на чердаке, меня бы это нисколько не расстроило!

– Вы очень добры, – пробормотала миссис Уайтли.

Налет величия, окружавший чету Дюмареск, заставлял всех вокруг благосклонно принимать все, что бы они ни говорили. Они обладали такими приятными манерами, с такой легкой развязностью высказывали обидные вещи! И то и другое было совершенно чуждо медицинской даме. Миссис Уайтли, в свою очередь, очень хотелось попасть в общество, и она тайно надеялась в награду за любезное отношение получить от миссис Дюмареск возможность быть представленной кому-нибудь из тех именитых особ, которые так часто фигурировали в ее рассказах.

– Да, – продолжала почтенная леди, несколько возвышая голос в благородном порыве, – богатство, сан и звание никогда не имели для меня особой прелести. Как говорила мне маркиза Поличинелло, моя давняя подруга, королева красоты при итальянском дворе: «Bellissima mia, bellissima mia¹⁰, вы слишком покорны движениям своего сердца!»

– Вы, вероятно, едете на садовый праздник к королеве, миссис Дюмареск? – поинтересовалась медицинская дама, читавшая придворные известия.

– О-о! Конечно! Я без труда могу попасть туда когда угодно.

– Но приглашены будут только те, кто представлялся ко двору в течение последних двух лет, – проворчал мистер Лоримор. – А вы, кажется, говорили, что не были в Англии в последнее время.

– Конечно, конечно, – ответила миссис Дюмареск, – конечно, нас не было, но милый принц все устроит. К тому же с практической точки зрения, в сущности, я все время оставалась при дворе.

Что это значило, никто не решился спросить. Мисс Семафор между тем читала письмо, в котором говорилось следующее:

«194, Гендель-стрит.

Июнь, 189...

Уважаемая мисс Семафор!

В ответ на ваше послание имею честь уведомить вас, что готова уступить вам эликсир за сумму в одну тысячу фунтов. Принимая во внимание тот факт, что я одна в целом мире обладаю таким чудесным средством, омолаживающий эффект которого гарантирован, я уверена, что вы не посчитаете цену слишком высокой. Если бы не обстоятельства и не большая нужда в деньгах, я могла бы взять за него гораздо больше. Если вы желаете покончить с этим делом, то я почту за удовольствие видеть вас завтра у себя в половине пятого. Перед тем как заключить сделку, я представлю вам доказательства. Мои банкиры – Кутс и Ко, адвокаты – Льюис и Льюис. Доктор Льюелин Смит, 604, Гарли-стрит, и его светлость граф Фордгамский милостиво разрешили мне сослаться на них как на своих поручителей, в том случае если вы пожелаете навести обо мне справки.

Имею честь быть вашей покорнейшей слугой.

София Гельдхераус».

Мисс Семафор, задумчиво проглотив завтрак, молча удалилась в свою комнату. Тысяча фунтов! Сумма большая, даже очень. Сестры были хорошо обеспечены, но взять такую сумму из капитала... Однако если миссис Гельдхераус – мисс Семафор знала, что это имя одного знаменитого африканского исследователя немецкого происхождения, – но если миссис Гельдхераус говорила правду, эликсир того стоил.

Мисс Семафор старалась не останавливаться на мысли о том, как прекрасно снова стать девятнадцатилетней девушкой и на этот раз знать цену себе и своей молодости, насла-

¹⁰ Моя красавица (*итал.*).

ждать ее с таким упоением, которого никогда не узнает тот, кто не был стар. Если бы она дала волю фантазии, то согласилась бы, пожалуй, отдать за это благо не только тысячу фунтов, но и все свое состояние, да еще сочла бы, что этого мало. И все же здравый смысл говорил ей, что тысяча фунтов для женщины с ее средствами – сумма существенная. Сразу она могла и не собрать ее.

Еще немного поразмыслив, Августа решила открыться сестре и разделить с ней пополам и эликсир, и издержки. Так как Прюдентс моложе, то и чудодейственного средства на нее уйти должно было меньше. Впрочем, об этом не стоило упоминать заранее, а то ей могло прийти в голову и платить пропорционально.

Сестры Семафор провели жизнь так же, как и большинство старых дев, – серо, бесцветно, в мелких заботах и интересах. Сестры появились на свет в маленьком провинциальном городке, где их родители в скучном и чрезвычайно почтенном кружке играли роль магнатов. Отец их был строг, мать вечно больна. Всю свою молодость девушки с утра до ночи работали на приход. В гости к ним особенно не заглядывали, разве что какие-нибудь старые супруги, знавшие их с младенчества. Даже все викарии в Филсборо были женаты.

Полковник Семафор, как военный в отставке, придерживался строгих правил и научил дочерей ко всему приятному относиться подозрительно. Чтение, кроме чтения благочестивых книг, в их доме не поощрялось, но девушки из-за этого не бунтовали. Ни одна из них не отличалась большими талантами, и они просто старались исполнять свой долг, хотя и считали это занятие однообразным. Не зная света и молодежного общества, они и сами не заметили, как стали пожилыми, чинными и чопорными. Думая, что вся жизнь еще впереди, они вдруг осознали, что жизнь – это молодость и что она уже прошла.

Когда в глубокой старости их отец умер, они переселились в Лондон, считая такую перемену предприятием весьма смелым. Года ожесточили Августу и смягчили Прюдентс. Старшая мисс Семафор была грозой всех легкомысленных дам на Биконсфильд. За спиной над ней издевались и ее передразнивали, но никто не хотел вступать с ней в открытое столкновение. Прюдентс, мягкосердечная, недалекая и романтическая, напротив, имела большую популярность. Она всегда была готова влюбиться, но случая все как-то не представлялось. Младшая мисс Семафор со своими ужимками, жеманством и уловками, ясными как день, никак не могла взять в толк, что она уже большая, и всякого, кто стал бы ее в этом убеждать, она назвала бы гадким. Власть старшей сестры, распространявшаяся над всеми делами Прюдентс, только еще больше развивала ее иллюзию. Августу распоряжалась также и капиталом, на доходы с которого они жили, и редко обращалась с такими вопросами к младшей сестре, разве что когда требовалась ее подпись.

Со всей своей строгостью мисс Семафор-старшая, однако, была вовсе не так сурова, как казалась. Приехав в Лондон, она подсознательно начала сравнивать свою жизнь с жизнью других окружавших ее молодых женщин. Какое-то смутное чувство проснулось в ее душе. Августу вдруг поняла, что была обделена приятными и невинными удовольствиями, и хотела изменить прошлое, но как именно, она и сама толком не знала. Все это вызывало в ней непреодолимое желание омолодиться, вернуться назад и хоть немного насладиться жизнью. Так что многие из ее неприятных высказываний объяснялись той горечью, которая иногда переполняет сердце одинокой женщины и заставляет ее говорить себе: «Я страдала, так почему бы теперь и им не пострадать?»

IV

Воздушные замки

В тот же вечер мисс Семафор с некоторым смущением сообщила Прюденс о том, что она написала по объявлению в «Лейдис Пикториал» и получила ответ. Та сначала очень удивилась, а потом пришла в полный восторг, тем более что в тот момент она переживала один из своих припадков внезапного осознания того, что она уже не девочка. Прюденс выразила не только полное согласие, но и горячее желание дать половину суммы, если супруга ученого естествоиспытателя будет настаивать на тысяче фунтов. Сестры решили, однако, что нужно поторговаться и предложить ей сначала шестьсот, а потом восемьсот франков. На всю сумму, по их мнению, следовало соглашаться только в том случае, если миссис Гельдхераус окажется неумолимой. Они также решили, что, несмотря на представленные надежные рекомендации, благоразумнее будет поставить на чеке следующее число, чтобы иметь возможность опробовать действие эликсира еще до оплаты по чеку.

– Она очень убедительно рассказывает о своем средстве, – сказала мисс Семафор, – но, конечно, мы ее не знаем. Возможно, она лжет. Как честная женщина – а ее поручительства не дают поводов сомневаться в этом, – она охотно согласится дать нам возможность убедиться в том, что ее эликсир действует. Тысяча фунтов – это крупная сумма, и лучше не рисковать.

– Миссис Гельдхераус говорит, что готова представить тебе доказательство перед покупкой.

– Желала бы я знать какое.

– Может быть, она сама немножко выпьет?

– Ну, этого бы я не хотела. Жалко, зря тратить эликсир.

– Вот что, – немного поразмыслив, обратилась мисс Семафор к Прюденс, – я возьму с собой Туту и попрошу миссис Гельдхераус дать ему немного для опыта. Он ведь животное, понимаешь, и ему понадобится меньше, чем человеку. Какая-нибудь юная особа могла бы нам помочь, но на ней, пожалуй, ничего не было бы заметно. Нашей крохе уже около пятнадцати. С него хватит и одного глотка.

– А что, если эликсир не действует на животных? – заметила мисс Прюденс.

– Почему нет? Я как-то давно читала о воде юности, и там, помнится, говорилось, что он действует не только на людей, но и на насекомых и на цветы. Почему бы ему не подействовать на собаку?

– Августа, милая, что ты будешь делать, когда опять помолодеешь? – тихонько спросила Прюденс.

– О, мало ли что, – уклончиво ответила мисс Семафор.

Августа даже сестре не хотела открывать золотые мечты, вскружившие ей голову, говорить о которых – она это чувствовала – женщине зрелых лет не пристало.

– И сколько же тебе будет лет?

– Ну, если этим можно управлять, то я бы хотела, чтобы мне было лет эдак двадцать восемь. Я буду молода, но не слишком. В двадцать восемь у женщины уже появляется здравый смысл, если, конечно, ей вообще суждено его иметь, и она достаточно сознательна для того, чтобы понимать, чего она хочет. Двадцать восемь – вполне подойдет.

– А я бы хотела, чтобы мне снова было восемнадцать, – заметила Прюденс.

– Это уж слишком. В восемнадцать зачастую бываешь или дурой, или егозой, что совсем непривлекательно для людей, наделенных умом. Впрочем, я согласна, пожалуй, остановиться на двадцати, если это удобнее, но сначала еще нужно выяснить, как действует этот эликсир.

– Ты только представь себе, тебе – двадцать, а мне – восемнадцать! Какими мы будем еще девочками! Ах, Августа, душа моя, знаешь, мне немного страшно. Что мы будем делать одни в Лондоне, без старших?

– Не говори пустяков! – отрезала мисс Семафор. – Все изменения коснутся только внешности. В сущности, мы не будем нелепо юны. Я нисколько не сомневаюсь в том, что мы, сохранив наш опыт и благоразумие, отлично устроим все наши дела сами. Одним словом, я завтра же все разую и поступлю как должно. И ради Христа, Прюдди, если нам все удастся, не проговорись как-нибудь, не вспоминай о вещах, которых ты не можешь помнить, если тебе в самом деле восемнадцать. Это именно та глупость, на которую ты способна. Нам нужно высчитать год нашего рождения и не вспоминать того, что было раньше.

– Как ты думаешь, – поинтересовалась Прюденс, немного помолчав, – не стоит ли нам уехать отсюда, прежде чем затевать все это? Давай уедем куда-нибудь, где нас не знают, а то может выйти неловко...

– Да-а, – задумчиво протянула мисс Семафор. – Пожалуй, так будет лучше, но это мы успеем обсудить завтра. А теперь я очень устала и нам обоим пора спать.

Сестры улеглись в свои кровати, но не засыпали еще очень долго. Будущее сверкало ошеломительными возможностями. Обе чувствовали, что не следовало баловать свою фантазию мечтами, которым, возможно, не суждено было сбыться. Миссис Гельдхераус могла оказаться обманщицей, а ее эликсир – надувательством. Но предположим – это ведь никому не запрещается, – что вся эта история заслуживает доверия. Какие открываются перспективы! Быть и молодой, и опытной – разве что-нибудь может с этим сравниться? Не попадаться в ловушки, выискивать всякие удовольствия, не забывать о последовательности, совершенно недоступной тому, кому восемнадцать лет в первый и единственный раз в жизни! Получить обратно все свои шансы и быть уверенной в том, что не потеряешь ни одного из них, – какая благодать, какое беспримерное счастье!

Розовые мечты против воли сестер вторгались в их души, но мы с прискорбием должны признать, что самыми разнузданными и легкомысленными были видения мисс Семафор-старшей. Мы, однако, никогда мы не решились рассказать о них, если бы не были уверены в том, что эти строки не попадутся на глаза ей или ее сестре, а также кому-нибудь из ее знакомых. Случись так, мисс Семафор сконфузилась бы и очень смутилась, а этого мы сей прекрасной, пусть и немного жесткой женщине вовсе не желаем. К тому же ее сестра и негодующие друзья непременно бы стали писать длинные, письма, отрицая в них сообщенные нами факты. Они бы ссылались на ее безупречную репутацию, всегда благопристойный, если не сказать суровый вид, строго-религиозный тон, на отсутствие склонности к легкомыслию – и все это чтобы доказать, что у Августы никогда не было и не могло быть тех мыслей, которые мы ей приписываем. К счастью, нам нечего этого опасаться, и мы смело можем изложить, как мисс Семафор собиралась распорядиться своей молодостью.

В глубине души она жалела, что у нее нет никакого прошлого, над которым стоило бы призадуматься. Когда была возможность, она не срывала цветы удовольствий. В сущности, Августа отличалась слишком хорошим воспитанием, но теперь, руководствуясь самыми добрыми намерениями, она, само собой разумеется, решила все это изменить. Кто-то из великих сказал: «Самая страшная суровость не влечет за собой ничего, кроме сожаления». Мисс Семафор хотела отведать радости безгрешного, но все же более фривольного существования. Она представляла себя пленительно-кокетливой, чуждой какой бы то ни было серьезности и жалела, что не только боялась в свое время наслаждаться жизнью, но и не знала, как это, и никогда не имела случая узнать.

Августа решила, что, прежде чем вступить на поприще ослепительных побед, она, как только ей снова будет двадцать, запишется в балетную школу и начнет работать над голосом. Ее отец, как, впрочем, и любой почтенный обитатель Филсборо, упал бы в обморок при

одном упоминании о театральных подмостках. В молодости мисс Семафор и сама разделяла подобные воззрения, но, переехав в Лондон, она изменила им, заметив, что среди местных жителей театральная профессия считалась менее предосудительной, чем среди провинциалов. Она чувствовала как греховность этого ремесла, так и его притягательность. Августа искренне верила, что наделена актерским талантом, и даже сокрушалась о том, что обстоятельства помешали ей развить его. Но теперь-то ее уже ничего не могло остановить. Из всего этого явствует, что даже самые благочестивые особы могут иногда считать для себя пристойным такой образ действий, который в других показался бы им чем-то предосудительным. Мисс Семафор рассуждала весьма трезво: какие бы опасности ни подстерегали ее на подмостках сцены, она, наделенная мудростью пятидесятилетней женщины, справится с ними гораздо быстрее, чем двадцатилетняя девушка. Во внушающем страх, но столь волнующем видении она являлась себе веселой, очаровательной и знаменитой. Августа представляла, как ее с восторгом встречают в театре, как она получает букеты, любовные записки и бесконечные приглашения выступить еще. Она видела словно наяву, что афишами с ее портретом увешан весь город. С блаженной улыбкой на лице она наконец заснула.

Прюденс, находившаяся в своей маленькой светлой комнатке по соседству, с благосклонностью думала о майоре Джонсе и с нежным влечением о почтенном Гарри Линдоне, викарии из Сен-Ботольфа, чахоточном молодом человеке двадцати восьми лет. Последним она интересовалась уже давно, хотя в глубине души и понимала, что он для нее слишком молод. Ну а теперь что же могло препятствовать их союзу? Прюденс предалась продолжительным мечтам о том, как все это устроить. Оставить его в заблуждении о том, что ей всегда было восемнадцать, или рассказать о чудотворном эликсире? Сон застиг ее на решении этого вопроса.

V

Омолаживающий эликсир

Прекрасные ночные мечтания утром обычно предстают совершенно в ином свете, но только не грезы сестер Семафор. Хотя они и пытались охладить свою безудержную радость размышлениями о том, что вдова естествоиспытателя могла оказаться мошенницей, а ее эликсир – водой из ближайшего колодца, им все же было трудно подавить волнение. Действительно, в их манерах сквозило столько сдержанного восторга, что мистер Лоример дважды спросил майора Джонса: «Уж не спятили ли почтенные дамы?»

Как только часы пробили без четверти четыре, Августа в черном платье с Туту в руках направилась к станции Глостер и взяла билет в Кингс-Кросс. Там она наняла извозчика до дома номер 194 по Гендель-стрит. Около половины седьмого она вернулась. Прюденс, ожидавшая Августу с большим беспокойством, поспешно вскочила со стула, когда она, просунув голову в дверь, самым таинственным тоном проговорила: «Пойдем ко мне в комнату».

Расположившись в самом центре своих апартаментов, мисс Семафор с большой торжественностью повернулась к сестре. Она не говорила ни слова и только медленно развязывала ленты шляпки. В воздухе пронеслось что-то зловещее.

– Ну? – задыхаясь, пролепетала мисс Прюденс. – Ты ее видела? Все устроилось? Какая она?

Мисс Семафор не спешила с ответом.

– Эликсир, скажи скорее, эликсир в самом деле помогает? Ты его купила?

– Вот, – сказала мисс Семафор, протягивая руку.

Прюденс, проследив взглядом за жестом сестры, уставилась на Туту. Но разве это был он – старый, трясущийся, сердитый, страдающий ревматизмом? Она подошла ближе. Резвый щенок без единого седого волоса в шерстке вдруг прыгнул на Прюденс и залился восторженным лаем, демонстрируя неистовую радость.

– Миссис Гельдхераус опробовала его на нем, – глухо проговорила Августа. – Результат налицо. Теперь все сомнения должны рассеяться.

Побледневшая мисс Прюденс присела: доказательство ошеломило ее.

– Мне как-то не по себе, – прошептала она. – Что-то тут не так, тебе не кажется?

– Вздор, – с раздражением в голосе проговорила Августа. – Ничуть не бывало! Я со своей стороны считаю, что это просто великолепное открытие, не способное причинить вреда.

– А много этого средства миссис Гельдхераус дала Туту? Расскажи мне все по порядку. Она милая?

– Да, приятная, благовоспитанная, красивая женщина. Квартира не очень, и служанка какая-то грязная, но миссис Гельдхераус говорила, что поселилась там только на время и на днях собирается за границу. Ее вещи уже уложены.

– А сама она молодо выглядит?

– Да, года на двадцать три, но миссис Гельдхераус уверяет, что ей все шестьдесят четыре. Я не поверила этому. Она показала мне свидетельство о крещении. Там все было по-немецки, однако я совершенно четко видела год – тысяча восемьсот тридцатый, а дальше совершенно неразборчиво.

– Боже праведный!

– Она была очень любезна и непременно хотела напоить меня чаем, но уступить в цене не соглашалась. Миссис Гельдхераус говорила, что если бы дело касалось обыкновенной косметики – цена действительно была бы слишком высокой, но речь ведь шла о возвращении молодости. Многие миллионеры, что находятся теперь при смерти, и коронованные особы с удовольствием отдали бы все состояние за несколько капель этого чудодейственного эликсира.

– Ну, и что же было дальше?

– Потом я завела речь о том, что действие волшебного средства неплохо было бы проверить, и тогда она предложила мне принять несколько капель. Я побоялась опробовать средство на себе и попросила миссис Гельдхераус дать несколько капель Туту, но с тем условием, чтобы она не брала за это ничего лишнего, так как это просто опыт. Она согласилась и, смешав пол чайной ложки эликсира с молоком, заставила Туту выпить.

– И он сразу же изменился?

– Нет, он, как всегда, еле до меня доплелся и, повизгивая, плюхнулся перед камином. Миссис Гельдхераус сказала мне внимательно следить за ним, и мало-помалу я стала замечать, что проседи в его шерсти начали тускнеть, а потом он задышал легче. Ты же помнишь, что последние два года Туту страдал одышкой? Затем он постепенно начал худеть, шерсть его стала лосниться, а глаза заискрились. Потом наш песик вдруг вскочил и как безумный принялся скакать по комнате в диком веселье, как бывало прежде. Тут все мои сомнения рассеялись, однако я все равно посчитала нужным сообщить миссис Гельдхераус вашу мысль.

Я сказала, что укажу на чеке более позднюю дату, объяснив это желанием убедиться, что эликсир так же действует на людей, как и на животных.

– И она согласилась?

– Ну, ей это, конечно, не понравилось. Миссис Гельдхераус напомнила, что предоставила мне неопровержимое доказательство. По ее мнению, я должна была остаться довольна, но я продолжала настаивать. Тогда она сказала, что деньги ей нужны очень срочно и что только поэтому она соглашалась продать нам эликсир на невыгодных для себя условиях. В конце концов миссис Гельдхераус согласилась отсрочить чек на два дня с тем, чтобы я за это время приняла некоторую дозу жидкости сама и таким образом удостоверилась в справедливости ее слов. Я пообещала ей принять немного сегодня же вечером.

– Ох! И неужели ты это сделаешь? Не лучше ли нам сначала уехать куда-нибудь в деревню, как мы думали поступить прежде? Здесь все заметят внезапную перемену!

– Я надеюсь, – ответила Августа с достоинством, – что ты не хочешь этим сказать, будто я кажусь слишком уж старой. Я, конечно, осознаю, что не так молода, как раньше, но в то, чтобы это было так заметно, как ты намекаешь, я совершенно не верю.

– О, нет, конечно, нет, я не то хотела сказать, – пролепетала Прюденс.

На самом же деле младшая мисс Семафор хотела сказать именно то, что сказала, и истолковать свои слова иначе ей было очень трудно, как это часто бывает в подобных обстоятельствах. Августа, посчитав инцидент исчерпанным, стала запирает драгоценный пузырек в шкаф. Едва она покончила с этим, как зазвонили к обеду.

– Боже праведный! – воскликнула мисс Прюденс. – Побегу скорее одеваться.

Она поспешно отворила дверь в свою комнату, но резвый Туту опередил ее. Бросившись вперед, он едва не сшиб ее с ног, желая выйти.

– Какой живчик! – воскликнула Прюденс. – Будто щенок! Как ты ухитрилась привести его домой, если он все время так отплясывал?

– Это было весьма непросто, поверь мне, – ответила Августа, неспособная в таком взволнованном и возбужденном состоянии долго дуться на сестру. – Он вырвался у меня из рук и как сумасшедший бегал по вагону. Я еле смогла его поймать: Туту все время лаял и бросался на всех пассажиров. Только представь себе – это он-то, столько лет страдавший от ревматизма! Потом Туту опять выскочил у меня из рук и на этот раз чуть не разбил флакон с драгоценным эликсиром, который я несла.

– Какой ужас! Что бы мы стали делать, если бы он и вправду его разбил!

– Ну, к счастью, этого не произошло, – коротко отозвалась Августа, не желая даже думать о столь печальном исходе.

VI

Случайность и ее последствия

Еле скрывая свое нетерпение, мисс Семафор-старшая с трудом дождалась того часа, когда можно было уйти в свою комнату, не вызывая ничьих подозрений. В предвкушении чего-то приятного она села наконец перед зеркалом и начала расчесывать свои редкие волосы. (Роскошная шевелюра, украшавшая ее затылок днем, покоилась в открытом ящике стола.) За этим занятием она размышляла о том, что, как ни дорог был эликсир, она по крайней мере на много лет избавлялась от необходимости покупать «Жетолин» – ее любимую краску для волос. Женщины, провинившись в какой-нибудь безумной трате, обычно находят утешение в небольшой экономии на чем-то другом. Затем ее мысли обратились к Туту и его чудесному преображению. Августу очень интересовало, как волшебная перемена скажется на ней. Будучи девочкой, она никогда не отличалась живостью характера и теперь надеялась, что в пору второй юности в ней обязательно разовьется веселость и легкомыслие.

Через некоторое время задумчивость Августы прервала Прюдентс. Она пришла к сестре, чтобы проститься на ночь. Как мы уже говорили, младшая мисс Семафор была женщиной крупной, мягкой, сохранившей моложавый вид. В белой ночной сорочке, с разгоревшимися щеками и распущенными по плечам, еще довольно густыми русыми волосами, она показалась сестре особенно молодой. Конечно, между ними была разница больше чем в десять лет, и мисс Семафор привыкла смотреть на Прюдентс как на девочку, но, даже принимая во внимание все это, сегодня она выглядела лет на тридцать, не более.

– Мне кажется, моя дорогая, – заговорила младшая мисс Семафор, – что тебе, право, лучше подождать с этой пробой денек-другой. Мы можем завтра же поехать в Рамсгет и снять там квартиру. Я могла бы отправиться потом за багажом, если ты предупредишь миссис Уилькоккс, что через неделю мы переселяемся; она ничего не заподозрит. Мы просто скажем, что нуждаемся в перемене обстановки.

– Какая же ты все-таки глупенькая, Прюдентс, – сказала мисс Семафор. – Разве ты забыла, что эта женщина согласилась на отсрочку уплаты только с тем условием, что мы проведем опыт сегодня же, так как ей срочно нужны деньги. Всякий догадался бы, что, как только она получит сумму, указанную в чеке, нам не видать ее как своих ушей, и не важно, подействует эликсир или нет. Нужно опробовать его прямо сейчас и если потребуется, то задержать уплату.

– Но здесь столько сплетников... Я боюсь...

– Право, ты ужасно дерзкая, – перебила ее Августа. – Вот уже второй раз ты намекаешь на это. Послушать тебя, так мне по крайней мере лет сто. О, я все прекрасно понимаю: это все твой беспокойный характер. Ты почти не заметишь разницы. Одна столовая ложка эликсира позволяет омолодиться на десять лет. Когда ты достигнешь нужного возраста, средство нужно принимать по чайной ложке для поддержания эффекта. Сегодня я приму совсем капельку, только чтобы скинуть год или два, так что ты можешь успокоиться – никто ничего не заметит.

– Желала бы я знать, каков эликсир на вкус, – заметила мисс Прюдентс, немного помолчав.

– Приятный, – ответила мисс Семафор, несколько смягчившись. – Я уже попробовала немного на палец: точь-в-точь как простая вода.

– А он точно настоящий?

– Взгляни на Туту, – прозвучал убедительный ответ.

– Знаешь, я немного опасаюсь, – сказала мисс Прюденс. – Как подействует это средство – неизвестно. Вдруг ты почувствуешь себя странно? Возможно, ты посчитаешь меня эгоисткой, но я рада, что ты попробуешь первая, ты ведь гораздо храбрее меня.

Мисс Семафор проворчала что-то себе под нос.

– Где же пузырек, Августа?

– В моем комоде.

– Не очень-то тут много, – проговорила Прюденс, задумчиво рассматривая жидкость.

– Да, совсем не много, и мне, конечно, нужно будет принять больше, чем тебе, так как я старше.

– Но ведь я заплатила за половину, – мягко напомнила Прюденс.

– Это справедливо, но меньше половины пузырька подействует на тебя так же, как оставшаяся часть – на меня. Тогда мы будем приблизительно одного возраста, и так будет гораздо лучше. Разве нет?

– Да-а, – протянула Прюденс нерешительно, – хоть это будет несколько странно. Но поступай как хочешь, Августа, тебе виднее. Кстати, а ты заметила, что пузырек-то с трещиной?

– С трещиной? Быть не может! – воскликнула старшая мисс Семафор и, взвизгнув от ужаса, бросилась к сестре.

Пузырек действительно был с трещиной.

– Это, наверное, Туту натворил, когда мы ехали в поезде, – негодовала Августа. – Я так этого боялась. О, глупенький, глупенький Туту! Пожалуйста, поосторожнее, Прюденс. Ставь аккуратно. Миссис Гельдхераус говорила, что его нужно хорошенько закупоривать.

– О, трещинка совсем крошечная, мне кажется, это ничего, – отозвалась младшая мисс Семафор. – Туту, душка, – обратилась она к шалунье собачонке, которая в эту минуту предавалась давно забытым забавам: катаясь по полу, щенок весело играл с бахромой на занавесках. – Туту, ты чуть не причинил серьезного убытка своей хозяйке! Глупая, дуляцкая ты сябака! – сюсюкала Прюденс.

Туту, восторженно бросившись на нее, с большой неохотой согласился лечь в корзинку. Зевнув во весь рот, младшая мисс Семафор простилась с сестрой и отворила дверь в соседнюю комнату.

Оставшись одна, Августа медленно сняла платье, облачилась в ночную сорочку и завязала тесемки чепчика, который она, несмотря на изменившуюся моду, продолжала надевать. Вопреки самоуверенному тону, что старшая мисс Семафор взяла в разговоре с сестрой, теперь, когда пришло время действовать, она трусила. В ее настроении происходили очень быстрые и резкие перемены. То Августа представляла себя в кругу поклонников поющей, танцующей, посвежевшей; на ее красивом лице, обрамленном не знающими «Жетелина» темными кудрями, не было ни одной морщинки. Очаровательная картина! То вдруг она чувствовала себя как пациент у зубного врача, которому в первый раз предстоит вдохнуть веселящего газа. Что ее ждет? О, если бы Туту, испытавший на себе действие эликсира, мог говорить! Не потеряет ли она сознания, не почувствует ли боли? А что, если это просто убьет ее? Августа пришла в невыносимое нервное состояние и залезла в постель, освещенную ночником, который она тушила, только окончательно устроившись на ночь. Рядом стоял маленький столик, где лежали книга, коробок спичек и стоял стакан. Сидя на кровати с драгоценным пузырьком в одной руке и чайной ложкой в другой, мисс Семафор пыталась принять решение – делать опыт или нет.

– Самую малость, – прошептала она. – Это мне не навредит, только сделает несколькими годами моложе. Миссис Гельдхераус ни за что бы не дала мне что-нибудь опасное или ядовитое.

Руки Августы дрожали. Вы даже не представляете, с каким нетерпением мисс Семафор – эта старая женщина, пропустившая все радости жизни, – хотела помолодеть! Теперь, когда она располагала таким средством, сердце ее стучало как молоток, она задыхалась от волнения. Дважды Августа брала со стола пузырек и дважды ставила его обратно.

– Самую чуточку, – уговаривала она себя, – только несколько капелек, чтобы узнать, как это...

Но, увы, мисс Семафор слишком нервничала! Неловким движением она задела пузырек и повалила его. Августа, словно превратившись на миг в камень, смотрела, как по столу разливается волшебный эликсир и как он стекает на пол с противоположного угла стола. Потом вдруг быстрее молнии она соскочила с кровати и, встав на колени, подставила рот под бегущую со стола струйку. Поза у нее была, пожалуй, не слишком естественная, но это ее несколько не смущало и даже в голову не приходило. Ошеломляющий характер несчастья и средство его поправить, насколько это возможно, – все, что занимало ее в эту минуту. Пузырек в том месте, где была трещина, разломился надвое, так что все его содержимое вылилось почти сразу.

Августа выпила все, что стекало со стола, но много капель волшебного эликсира все равно пропало даром. Частично чудодейственная жидкость впиталась в ковер, частично – в газету, лежавшую на столе. Однако по счастливой случайности немного эликсира попало в складку на бумаге и стояло там маленькой лужицей. Тут в первый раз мисс Семафор подумала о сестре, деньги которой также пошли на покупку. Не позвать ли Прюденса? Не рассказать ли ей о том, что случилось? Не дать ли ей выпить то небольшое, что оставалось? Но страх, что не хватит ей самой, превозмог все прочие соображения, и, заглушив голос совести, старшая мисс Семафор осторожно приподняла газету, свернула ее и выпила остатки эликсира. Немного погодя Августа присела на край постели, и к ней со стыдом и не без испуга пришло осознание того, что она натворила. До сих пор мисс Семафор не чувствовала ничего, кроме того, что она проглотила довольно много холодной воды с каким-то особенным запахом.

– В конце концов, – успокаивала она себя, – эликсира могло и не хватить на двоих, а мне-то ведь гораздо нужнее помолодеть, чем Прюденси. В сущности, она и без того хороша, выглядит как девочка. К тому же и времени у меня не было. Прежде чем я успела бы разбудить ее и растолковать, в чем дело, драгоценные капли впитались бы в бумагу. Конечно, мне придется вернуть ей деньги, я ничего против не имею. Пожалуй, это даже к лучшему, что я не разбудила Прюденса, ведь она сама говорила, что боится пробовать. Мне кажется, она даже предпочла бы не принимать эликсир вовсе.

Несмотря на эти весомые аргументы, мисс Семафор, укрывшись одеялом и потушив ночник, чувствовала, что совершила подлость. Она еще долго не смыкала глаз и все думала, как сказать Прюденси о том, что для нее не осталось омолаживающего эликсира, как ей лучше выбраться с Биконсфильда, не привлекая к себе внимания, если вдруг завтра она и вправду станет выглядеть на двадцать лет. Утомленная волнениями, пережитыми за день, она наконец заснула.

VII

Прюдентс поражена

Младшая мисс Семафор спала спокойно. К слову сказать, ее отличительной чертой было все делать спокойно. Ей редко снились кошмары. Конечно, в те дни, когда Августа сердилась сильнее обыкновенного, если какой-нибудь мужчина в доме номер 37 на Биконс-фильд, ставший объектом невзыскательных симпатий Прюдентс, выказывал свое полное равнодушие к ней, она порой плакала перед сном, но бессонные ночи были незнакомы ей вовсе. Теперь же ей грезилось, что она летит по воздуху во Флориду за омолаживающим эликсиром. Но вот ее крылья ослабевают, и она, как Икар, падает все ниже и ниже... Тут мисс Семафор вздрогнула и проснулась. Сдержав крик ужаса, Прюдентс села на постели и постаралась понять, где она. Знакомая комната, свет уличных фонарей, проникающий через опущенные шторы, стук колес проезжавших экипажей, соседские часы, пробившие три, – все это подействовало на нее успокоительно.

Облегченно вздохнув, она снова улеглась и перевернулась на другой бок. Но тут ее внимание привлек какой-то вой. Прюдентс прислушалась. Сердце ее сильно забилося. Эти странные звуки раздавались где-то совсем рядом, но сверху или снизу? Мисс Семафор-младшая была подписана на один спиритический журнал, и ее голову посетила тысяча неприятных предположений. В этом вое, казалось, звучало что-то нечеловеческое, и, хотя она пробормотала «Вздор!», это восклицание не вернуло ей душевного спокойствия. В сущности, во всем этом для нее было так мало вздора, что, когда звук повторился, Прюдентс натянула на голову одеяло. Однако и это не принесло успокоения. Время от времени мисс Семафор приходилось высовываться из своего убежища, чтобы не задохнуться, и прислушиваться. Когда звуки наконец прекратились, она вылезла из-под одеяла и, успокоенная тишиной, начала обдумывать, каковы могли быть причины этого происшествия.

Вдруг в голове у нее пронеслось: «Котенок!» Она сразу вспомнила, что на днях миссис Дюмареск жаловалась на то, что всеобщий любимец, котенок, забрался в шкаф с ее платьями, где и был случайно заперт.

«Так и есть! Наверное, это котенок!» – подумала Прюдентс.

Через некоторое время крик возобновился, и на этот раз мисс Семафор-младшая ясно различила мяуканье. Отважно вскочив с постели, она зажгла свечу, надела капот и туфли и начала искать бедное животное.

Обшарив гардероб и комод, она заглянула под кровать и в камин, но котенка нигде не было. Когда Прюдентс проходила мимо двери в комнату сестры, ей показалось, что звук доносится оттуда. Тихонько притворив дверь и заслонив рукой пламя свечи, она позвала вполголоса: «Кис-кис-кис!» Никто не отозвался. Вой, однако, слышался все громче и отчетливее и теперь уже напоминал человеческий.

– Августа, что это за звук? Августа, ты не спишь? – спросила Прюдентс.

В ответ раздался продолжительный вопль. Не на шутку испугавшись, младшая мисс Семафор вошла в комнату и осветила ее. Все было по-прежнему, кроме, кроме... Где же Августа? В кровати никого не было. Объятая необъяснимым страхом, Прюдентс подошла ближе. О ужас! Августа исчезла, а на ее месте, попискивая, лежал... крошечный, красненький, сморщенный новорожденный ребенок. Он был в ночном чепце, непомерно большом для его лысой головки, и женской ночной рубашке, также ему не по размеру.

– Боже мой! – воскликнула бедная Прюдентс. – Да что ж это такое? Не схожу ли я с ума? Где же Августа?

Ее полный отчаяния взгляд упал на разбитую бутылку, и она вдруг начала понимать.

– Ты Августа? – крикнула мисс Семафор ребенку.

Заливавшаяся слезами малютка предприняла отчаянную попытку заговорить. От бесплодных усилий у нее чуть было не начались конвульсии. Когда Прюденс заметила, что ребенок смотрит на нее совершенно осознанно, ее самые худшие опасения подтвердились. Мисс Семафор уронила себе на ноги подсвечник, и у нее началась истерика.

К счастью, их с Августой апартаменты находились в конце коридора и отделялись от других ванной комнатой. Под ними была пустовавшая теперь гостиная, а над ним спала глухая миссис Бельчер. Поэтому, и только поэтому, крики Прюденс не переположили весь дом. Уже светало, когда она наконец собралась с силами. С размышлениями о том, как ей быть, пришел и безудержный гнев, совершенно несвойственный ее спокойной натуре.

– Августа, – сурово обратилась она к новорожденной, которая уже перестала реветь и, казалось, была напугана отчаянием сестры, – Августа, ты понимаешь меня?

Младенец попытался кивнуть.

– Ты не умеешь говорить?

Малышка покачала головой.

– В таком случае нечего, я думаю, и спрашивать, как случилось это ужасное несчастье?

Кроха только усиленно моргала. К слову сказать, это дитя было отнюдь не привлекательным. Прюденс, при всей ее любви к сестре, оно казалось странным и совершенно отвратительным.

– Мерзкая девчонка! – воскликнула она в порыве ярости. – Разве ты не понимаешь, в какое ужасное положение ты нас поставила? Ты выпила слишком много эликсира. Только жадная дура и эгоистка могла выпить все в одиночку! Если бы ты со мной поделилась, ничего этого не произошло бы! Ты в самом деле моя сестра? Как я это докажу? Кто мне поверит? Может, меня еще и повесят за то, что я тебя убила!

При этой мысли у Прюденс опять чуть было не началась истерика.

– Ну что мне делать, господи боже мой! – продолжала причитать мисс Семафор. – Ведь ты теперь ребенок, самый настоящий ребенок! Праведное небо, что мне с тобой делать, ума не приложу. Здесь тебя оставлять нельзя. Ну, как я это объясню? Мне никто не поверит! Ах, да я и сама бы не поверила, если бы мне кто-нибудь такое сказал. Как я объясню твоё исчезновение? Ты даже не говоришь, а значит, не сможешь подтвердить справедливость моих слов. Куда там! Даже если меня повесят – ты и тут не пикнешь! – Это уже было несправедливо, ибо бедная Августа не умела говорить, но не пищать.

Почти в бешенстве, заламывая руки, Прюденс ходила взад-вперед по комнате.

– Августа, я всегда была тебе хорошей сестрой, терпела твой скверный характер и все с тобой делила, но теперь ты превратилась в мерзкую, бессердечную, безобразную законрючку! Я ненавижу тебя, слышишь? Вот заверну тебя в платок и выброшу! Ах ты отвратительная маленькая тварь, уж я тебя...

Прюденс бросилась на ребенка и стала трясти его так, что огромный чепчик свалился с его головенки, раскачивавшейся из стороны в сторону. Августа испугалась и заревела во все горло. Она была так мала, так беспомощна, что это привело мисс Семафор в чувство: ей стало жалко сестру. Прюденс перестала ее трясти и принялась унимать.

– Ну-ну-ну! Ну-ну-ну! – восклицала она, как будто говорила с настоящим ребенком. – Не плачь, я что-нибудь придумаю. Ты, вероятно, выпила слишком много эликсира? Если так и было, то просто подними руку.

Крошка повиновалась.

– Ты плохо себя чувствуешь?

Ребенок покачал лысой головой и предпринял попытку изобразить, что страдания его были, главным образом, душевные.

– Ну, теперь помолчи немножко, перестань плакать и дай мне подумать. Постарайся заснуть: может быть, действие эликсира ослабеет, и ты скоро вырастешь.

Устроив ребенка поудобнее, подоткнув под него одеяло, Прюденс беспокойно заходила по комнате. Временами она ненадолго останавливалась для того, чтобы взглянуть на странное маленькое созданище, поставившее ее в столь затруднительное положение. Мисс Семафор отчаянно хваталась за голову и грызла пальцы. Устав от бесцельного хождения, она бросилась в кресло и тупо уставилась в окно, выходившее на улицу. Чем больше Прюденс думала, тем неприятнее ей представлялось все дело. Как Августа могла совершить такую нелепость, как она могла опустошить весь пузырек, как он мог разбиться – мисс Семафор только догадывалась. Во всяком случае, итог был достаточно плачевный: ее сестра не оставилась ни на тридцати восьми годах, ни на двадцати восьми и даже на восемнадцати – она одним прыжком достигла восьмидневного возраста.

«Слава богу, – думала мягкосердечная даже в своем гневе и недоумении Прюденс, – слава богу, что в пузырьке не нашлось еще нескольких капель, а то от бедной Августы не осталось бы теперь и следа!»

После долгих размышлений не очень молодая особа, бывшая до сих пор младшей мисс Семафор, встала и пошла в свою комнату. Одевшись, умывшись и причесавшись, она вернулась к постели сестры. Малышка не спала, но плакать перестала. Только по широко раскрытым умным глазам, производившим какое-то жуткое впечатление на этой безобразной красненькой рожице, Прюденс догадывалась, что разум все еще присутствовал в ее уменьшившемся теле. «Удивительный ребенок», «волшебное дитя», «подкидыш фей» – вот как назвал бы мисс Августу Семафор всякий, кто не был посвящен в тайну ее омоложения.

– Августа, – торжественно обратилась к сестре Прюденс, – я все обдумала. Сразу после завтрака я пойду к миссис Гельдхераус и спрошу, не может ли она дать тебе какое-нибудь... противоядие. Если она откажет, то я не знаю, что с тобой будет, потому что сказать правду здесь, в пансионе, невозможно. Во-первых, выдавать подробности дела крайне неприятно, так как мы станем всеобщим посмешищем, во-вторых, мне просто не поверят. Если мне не удастся достать что-нибудь для тебя, то единственное наше спасение заключается в том, чтобы уверить всех, будто ты получила письмо, в котором тебя вызывают в деревню по важному делу. Я извинюсь за тебя перед всеми, скажу, что ты уехала, ни с кем не простившись, потому что очень спешила. Я спрячу тебя где-нибудь в этой комнате или у себя до ночи. От того, как ты себя будешь вести, очень многое зависит. Я умоляю тебя, не плачь. Если с миссис Гельдхераус ничего не выйдет, я буду расспрашивать всех и отыщу наконец какую-нибудь хорошую, добрую женщину, которая поухаживает за тобой, пока ты не станешь постарше. Ведь ты сама понимаешь, что всюду возить с собой ребенка я не могу. Сегодня после обеда, когда стемнеет, я постараюсь незаметно перенести тебя к этой женщине, если, конечно, таковая найдется. Потом я предупрежу в пансионе о нашем отъезде и отправлюсь в какое-нибудь глухое местечко, где нас никто не знает и куда можно будет привезти потом и тебя. Ну, как тебе мой план? Нравится?

Августе он, очевидно, не понравился, ибо она отчаянно замотала головенкой.

– Ну, не хочешь, как хочешь, – в сердцах воскликнула Прюденс. – Я больше ничего не могу придумать, а от тебя едва ли дождешься совета или помощи! Всеми этими «удовольствиями» мы обязаны тебе одной! Никогда в жизни я не мучилась так, как теперь!

Августа молча следила взглядом за движениями сестры.

– А теперь, – продолжала Прюденс, когда позвонили к завтраку, – мне надо идти вниз. Скажу, что ты плохо провела ночь и не хочешь есть. Дверь в твою комнату я запру, чтобы не вошла горничная. Я принесу тебе молока – это, вероятно, единственное, что тебе подойдет. Ты сможешь съесть что-нибудь твердое?

Малышка, раскрыв рот, обнажила два ряда беззубых десен. Очевидно, ей предстояла молочная диета.

– Только не кричи, умоляю тебя. Я постараюсь вернуться как можно скорее. – И с этими словами мисс Прюденс удалилась.

Увы, бедная женщина, как ни были мрачны ее предчувствия, не подозревала, что ее ожидало впереди, каким трудным окажется исполнение ее простого плана. Настоящая паутина лжи! Никогда мисс Прюденс Семафор, отличавшаяся спокойствием, добротой, правдивостью, бесхитростностью, привычкой всецело полагаться на советы других, а не действовать по собственной инициативе, не попадала в столь страшное положение. То, что все это случилось не по ее вине, нисколько ее не утешало. В какой-то степени она овладела ситуацией и с удивительной для нее быстротой даже наметила план действий, но ей страстно хотелось иметь рядом родственную душу, которой можно было бы поведать о своих затруднениях и у которой можно бы было попросить совета. Однако для сохранения тайны ей пришлось одной нести свою ношу и взять всю ответственность на свои слабые плечи.

Когда мисс Прюденс появилась за чайным столом в гостиной, все заметили ее бледность.

– О, вы неважно выглядите! – весело приветствовала ее медицинская дама. – Вы плохо спали?

Мисс Прюденс не стала этого отрицать.

– А ваша сестра что же? Как она сегодня поздно! Обычно она спускается одной из первых.

– Ей что-то нездоровится, и я уговорила ее полежать в постели, – ответила Прюденс и покраснела до ушей, вступив на свое новое поприще лжи.

– И правильно сделали. Конечно, пусть лучше завтракает в своей комнате, если плохо себя чувствует. Вот прекрасный паштет, который, может быть, ей понравится.

– Благодарю, – со смущением отозвалась Прюденс. – Пожалуйста, не беспокойтесь. Она сказала, что совсем не будет завтракать, но я, пожалуй, принесу ей хотя бы чашку молока и заставлю выпить.

– Вероятно, у нее желчный приступ, раз она отказывается от еды, – заметила медицинская дама.

– Да-да, – с жаром подтвердила Прюденс, – именно он, сильный желчный приступ.

– В таком случае, – строго спросила медицинская дама, – неужели вы считаете разумным давать ей молоко?

– О да, – воскликнула бедная Прюденс, – она его так любит, что только им и питается!

– В самом деле? – задумчиво проговорила ученая дама, подкладывая себе сардин. – Это очень странно при желчном приступе, ну да ладно, вам виднее.

– А часто с мисс Семафор такое случается? – поинтересовалась миссис Уайтли.

– Нет, – ответила Прюденс, – никогда. Ой, что это я! Да, очень часто!

Миссис Уайтли казалась весьма удивленной, что, впрочем, было естественно. Во избежание дальнейших расспросов Прюденс начала читать газету, которую держала вверх ногами. К несчастью, газета принадлежала мистеру Бельчеру и была для него очень важна. Он не выносил, чтобы кто-нибудь заглядывал в нее, не получив специального приглашения. Вскоре рассеянная Прюденс заметила, что между этим джентльменом и Мюллером происходит резкий разговор.

– Мюллер! – зарычал он.

– Что угодно? – отозвался тот.

– Куда, к черту, вы задевали «Стэндард»?

Миссис Уайтли приготовилась ужаснуться такому слогу, но сначала взглянула на мисс Дюмареск, чтобы знать наверняка, как себя вести. Последняя, однако, только улыбнулась.

– Я тута полошил, – сказал Мюллер.

– Да нет же! Если бы положили, он бы тут и был.

– Он, кажется, у меня, – пробормотала Прюденс, опомнившись.

– О, у вас? Это вы взяли? – сердито спросил мистер Бельчер и бесцеремонно забрал свою газету. – Я не поставляю прессу для всего пансиона.

– Участь дающего блаженнее, нежели участь принимающего, – тонко заметила миссис Уайтли с кроткой улыбкой миротворца.

– Без сомнения, – свирепствовал мистер Бельчер, – только куда разорительнее! – И он углубился в столбцы своего оракула.

Дамы переглянулись. Мистер Бельчер и его газета были предметом нескончаемых шуток во всем пансионе, и теперь миссис Уайтли, наклонившись к уху Прюденс, шепнула, чтобы она не обижалась: «Ведь это он всегда так». Впрочем, бедняжка была настолько занята собственными невзгодами, что даже не приняла грубость мистера Бельчера близко к сердцу. Прихлебнув чая и раскрошив хлеб, она сочла себя вправе встать из-за стола. Захватив с собой чашку молока, Прюденс ушла. Медицинская дама, смотревшая ей вслед, неодобрительно покачала головой.

Когда младшая мисс Семафор вернулась, ее сестра вращала глазами самым страшным образом.

– Что с тобой? – спросила Прюденс.

Августа, само собой разумеется, не могла этого объяснить. Тем не менее она вперила гневный взор в дверь, что вела в комнату сестры, и кивнула на нее. Причиной ее недовольства, очевидно, было что-то, что располагалось за ней. Пока Прюденс завтракала, одна из горничных, не подозревая о том, что в комнате кто-то есть, попыталась войти, и, так как замок на двери был очень ненадежный, Августа каждую минуту ожидала, что вот-вот дверь откроется и на пороге появится горничная. Объяснить всего этого малютка, конечно, не могла, и ей пришлось довольствоваться сердитой миной.

Прюденс, не зная всего этого, дергала занавески, передвигала разные предметы, каждый раз спрашивая: «Это?» Но, так и не получив ответа, она отказалась от этой затеи и начала кормить сестру. Операция эта прошла неудовлетворительно, так как Прюденс оказалась весьма неловкой нянькой. Августа, по крайней мере физически, была самым настоящим восьмидневным младенцем: она захлебывалась, кричала, забирала в рот слишком много молока, давилась, и ее нужно было хлопать по спине. Половина чашки пропала даром. Малютка брыкалась, проливала молоко на ковер, но наконец кормление, хоть и не очень удачное для обеих сестер, все-таки закончилось.

– Ну а теперь, – сказала Прюденс, – мне придется на некоторое время оставить тебя одну.

Августе, очевидно, не понравилась эта перспектива: она тут же скорчила гримасу и, несомненно, собиралась зареветь.

– О, постой, постой! – крикнула ей сестра. – Тебя непременно услышат! Какая ты эгоистка, боже мой! Молчи, ради всех святых, да подумай хоть немного о ком-нибудь, кроме себя! Ну, что же мне еще делать? Хорошо тебе капризничать, но ведь что-нибудь нужно сделать, и сделать поскорее, а так как ты не можешь мне помочь, то я должна решать сама. Я сейчас же пойду к миссис Гельдхераус и буду умолять ее как-нибудь тебя вылечить. Она, наверно, знает какое-нибудь противоядие, а ты между тем, пожалуйста, веди себя потише. Не кричи, а то Мэри услышит тебя из коридора. Я скажу ей, что ты больна и что тебя ни в коем случае нельзя беспокоить.

Августа, должно быть, вняла голосу разума, ибо рожица ее потихоньку разгладилась, и она перестала пищать. Прюденс, надев шляпу, вуаль и накидку, получше подоткнула одеяло под свою пожилую малютку и тщательно заперла все двери. Затем, сообщив Мэри о страшном недомогании сестры, отправилась разыскивать вдову естествоиспытателя.

Пока бедняжка пробиралась по Блумсбери-сквер на Гендель-стрит, в ее голове царил хаос. Дом номер 194 оказался мрачным и грязным. На двери висело объявление в рамке: «Меблированные комнаты», на подоконнике в столовой сидела черная кошка и лениво умывалась на солнышке. В ответ на многократные звонки дверь отворила грязная служанка в съехавшем набок чепце.

– Вам миссис Гельдхераус? – осведомилась она и, получив утвердительный ответ, добавила: – Да их тут нет. Уехали нынче утром, чуть свет. Вчера ночью получили телеграмму, чтобы поскорее, значит.

Вплоть до этой минуты, когда сердце, словно налитое свинцом, оборвалось, Прюденс не сознавала, как поддерживала ее надежда.

– Куда же она уехала? – спросила она слабым голосом. – Может быть, она еще вернется?

– В Париж уехали, – ответила служанка. – Вернется? Не, это навряд.

– Можете вы дать мне ее адрес в Париже?

– Они чей-то тут написали хозяйке, куда, мол, им отсылать письма. Коли войдете и посидите маленько, я погляжу, может, и найду вам. Самой-то мне не прочесть, пожалуй, по-французски оно.

Прюденс вошла в душную залу и стала ждать. Горничная скоро вернулась с клочком почтовой бумаги, на котором было написано только «Poste restante, Paris». В горьком разочаровании младшая мисс Семафор повернула к выходу.

«Даже если я напишу ей, – размышляла она, – на это уйдет по крайней мере два дня, и – Боже праведный! – что же я буду делать, если за это время кто-нибудь увидит Августу? Мне нужно поскорее найти, куда бы ее пристроить и увезти».

Даже самая слабая женщина, внезапно очутившись в опасном положении, будет действовать решительно и обнаружит находчивость, которой сама же больше всех и удивится. Необходимость – строгий учитель. Именно она делает людей способными на такие подвиги, какие им даже не снились. Итак, первое, что предприняла мисс Семафор, заключалось в том, что она нашла лавочку и попросила разрешения написать письмо. Послание было для миссис Гельдхераус, и в нем значилось: «Очень важное. В собственные руки». Подробно описав ужасный случай, приключившийся с ее сестрой, Прюденс умоляла почтенную вдову сразу же написать или телеграфировать ей о каком-нибудь противоядии, если таковое существует. Также она просила сообщить ей, как долго мог действовать омолаживающий эликсир. Она говорила: «Только представьте себе, в каком ужасном положении я нахожусь. Сестра изменилась до неузнаваемости! Хотя она, кажется, – насколько я могу судить, – и сохранила память и рассудок, но она не умеет говорить. Вы уехали из Англии, и вся эта история звучит до такой степени неправдоподобно, что никто из наших друзей просто не поверит мне, если я скажу правду. Я живу в постоянном страхе, что сестру кто-нибудь увидит в ее теперешнем виде. Умоляю вас, не теряя времени, разрешите это ужасное недоразумение».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.